Е. В. Бессчетнова

Критика отвлеченного морализма В. С. Соловьева

По утверждению Владимира Соловьева, на рубеже XIX и XX вв. русские люди были увлечены тремя идеями: экономическим материализмом Маркса, отвлеченным морализмом Толстого и идеей сверхчеловека Ницше. Одно из самых значительных своих произведений — «Три разговора» Владимир Сергеевич обратил именно против толстовства. Соловьев критикует Евангелие от Толстова, называя его мнимым.

В трактате «Исповедь», написанном по примеру блаженного Августина и Ж.-Ж. Руссо, Толстой предпринимает попытку осмыслить собственный жизненный путь к тому, что он считает истиной. Лев Николаевич писал: «Зачем же мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?». По-другому выражался вопрос так: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?». Получается, что для Толстого жизнь, и его жизнь в первую очередь, есть неоспоримое зло, так как она неизбежно заканчивается смертью — не только простых людей, но и великих. Только Сократ, Соломон, Шопенгауэр и Будда, по его мнению, поняли это:

> «Мы приблизимся к истине только настолько, насколько мы удалимся от жизни, — говорит Сократ, готовясь к смерти. — К чему мы, любящие истину, стремимся к жизни? — К тому, чтоб освободиться от тела и от всего зла, вытекающего из жизни тела. Если так, то как же нам не радоваться, когда смерть приходит к нам? Что мы так страшимся ничтожества, — говорит Шопенгауэр, — или же так хотим жить — означает только, что мы сами не что иное, как это хотение жизни, и ничего не знаем, кроме него. Поэтому то, что остается по совершенном уничтожении воли для нас, которые еще полны волей, есть конечно ничто… Суета сует, — говорит Соломон, — суета сует — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?» [7. С. 37].

Таким образом, Толстой пришел к выводу, что разумное знание отрицает смысл жизни, в то

© Е. В. Бессчетнова, 2010

время как большинство людей, наоборот, признают его в неразумном знании. Неразумное знание — это вера. Толстой писал: «Положение мое было ужасно. Я знал, что я ничего не найду на пути разумного знания, кроме отрицания разума, которое еще невозможнее, чем отрицание жизни» [7. С. 40]. Толстой пытался убедить себя, что вера и есть тот самый смысл жизни: если человек живет на этом свете, значит, он во что-то верит, а если бы он не верил в то, ради чего стоит жить, то он и не жил бы вовсе. Итак, без веры человек жить не может. Религиозная вера направлена на высший смысл бытия, на основы начала и конца, на первопричину всего, на Бога. Это разуму не противоречит, и Толстой пишет: «И стоило мне на мгновение признать это, как тотчас жизнь поднималась во мне, и я чувствовал и возможность, и радость бытия» [7. С. 40]. Но тут же возникал вопрос: ведь вера же неразумна, и «неразумны и уродливы» ее ответы на вечные вопросы, что понятие о Боге — это всего лишь понятие и ничего более. И опять все становилось для Толстого бессмысленным, все умирало. Но все же единственное решение было принято, и им оказалась вера.

Поиски смысла жизни привели Толстого к христианству:

> «Я поверил в учение Христа — жизнь моя вдруг переменилась: мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось… Я смотрю на христианство не как на историческое явление, я смотрю на христианство как на учение, дающее смысл жизни» [7. С. 43].

От самоубийства Толстого спасла вера, странным образом порожденная в нем разумом. Он пришел к вере не по прямой дороге, а окольными путями сомнений и рассуждений, пытаясь рационализировать найденное.

Открытая Толстым вера объединилась с его любовью к простому русскому крестьянству, его окружавшему. В статье «Религиозная трагедия Льва Толстого» Ф. А. Степун упоминает, что русский писатель часто разговаривал с крестьянами и богомольцами, маршрут которых пролегал через Ясную Поляну. Он задавал им следующий вопрос: «Как вы можете жить, зная, что все кончится смертью?». Крестьяне его, естественно, не понимали, Толстой это объяснял тем, что смысл жизни дается не разумом, а верой, что он «раскрывается не в ответах на теоретические вопрошания, а в том душевном строе, который этих праздных вопросов вообще не ставит». Степун пояснял это следующим образом: «Критикуя веру простого русского народа и выясняя те причины, которые помешали ему слиться с народной верой, Толстой не заметил, что разошелся он с народом главным образом потому, что народное знание смысла жизни было порождением веры. Он же искал веры для того, чтобы обрести смысл жизни. И еще глубже: разошелся он с народом потому, что его Бог был порожден страхом смерти… Народ же верит в того Бога, которого славит пасхальное песнопение: “Смертию смерть поправ”» [6. С. 106].

Толстой не мог принять евангельское учение просто так, он подверг его изменению, переоценке и написал свое собственное евангелие. Как говорил сам Толстой, религия Христа была им очищена от всякой таинственности. Он решил посвятить свою жизнь основанию новой религии, соответствующей развитию

человечества, — религии практической, которая не будет обещать будущего блаженства, а будет давать блаженство на земле.

В 80-е годы XIX в. под влиянием философско-религиозных идей Толстого возникает новое религиозное движение — толстовство.

Непротивление злу насилием

Принцип «Непротивление злу насилием» стал основным для нового учения Толстого. Он писал:

> «Вопрос о том, что я должен делать для противодействия совершаемому на моих глазах насилию, основывается все на том же грубом суеверии о возможности для человека не только знать будущее, но и устраивать его по своей воле. Для человека, свободного от этого суеверия, вопроса этого нет и не может быть… полезно ли, не полезно ли, вредно ли, безвредно будет употребление насилий или претерпение зла, — я не знаю и никто не знает. Положим, что злодей занес нож над своей жертвой, у меня в руке пистолет, я убью его, но ведь я не знаю и никак не могу знать, совершил ли бы, или не совершил бы занесший нож свое намерение. Он мог бы не совершить своего злого намерения, я же наверное совершу свое злое дело» [7. С. 137].

Толстой считал, что какие бы события ни происходили во внешней общественной жизни, человек должен всегда помнить тот факт, что он управляет собой и только собой, и в то же время человеку не следует думать о последствиях, так как они никогда не могут быть ведомы в своем истинном смысле людям.

«Будь добрым и не противодействуй злу силою» — в этом правиле, которое является противоположным ветхозаветному принципу талиона,[1] по мнению Толстого, заключается сущность христианства. В требовании «быть добрым» содержится положительное, деятельное значение нравственности. Но Толстой считал, что когда человек на добро отвечает добром, он не делает ничего особенного. Это случай существования в рамках замкнутых отношений: «ты — мне, я — тебе», в которых не заключено никакой морали, так как этот процесс является само собой разумеющейся платой за добро, содеянное нам.

Совершенно другое дело, если мы на зло отвечаем добром. В этом, по мнению Толстого, и проявляется высшая нравственность, именно в этот момент прерывается распространение зла. Ведь зло существует именно в цепочках ответов злом на зло, а добро, наоборот, существует в ответах добром на добро. Следовательно, когда человек отвечает злом на зло, насилием на насилие, он становится проводником зла. Любое силовое действие, направленное против зла, не может быть совершенно в рамках добра. Поэтому единственным ответом на зло, направленное против нас, может быть только слово, только жест, обращенный к совести, но не

1 Как мне кажется, Толстой здесь не очень прав. Уже в Книге Левит сформулированы многие положения Евангелий, например, «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев.19:18). Здесь прямое и очевидное первое слово, повторенное в Евангелиях и ставшее так называемым золотым правилом, которое содержится в словах Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39).

противодействие силой. В этом состоит отрицательное, недеятельное содержание нравственности.

Получается, что для Толстого основу нравственности составляет преумножение в мире добра, причем не только в качестве ответа добра на все доброе, но и на все злое, содеянное нам. Тем самым добро становится нашей судьбой. Следуя принципу несопротивления злу насилием, мы останавливаем на себе распространение бесконечных цепочек зла и порождаем бесконечные цепочки добра. Свою недейственную позицию Толстой оправдывает абсолютной верой в Бога, в его мудрость и справедливость: только Он может судить людей и отвечать на их поступки силой. Христианину доступно единственное средство против внешнего зла — это проповедь, обращение к совести. Борьба со злом переносится во внутренний мир человека. Побеждая в себе зло путем «непротивления», он своим примером побеждает зло и в другом человеке.

Нравственные заповеди Христа, которые были обращены к личности, Толстой перенес на весь существующий общественный порядок. Принцип талиона (око за око, зуб за зуб) был законом справедливости. Христос же призвал людей ради высшего закона прощения и спасения души возвысится над справедливостью, но сделать это в своей индивидуальной жизни. Можно согласится с Толстым в том, что совершенствование общественного порядка напрямую зависит от удачного процесса «оздоровления» индивидуальной нравственной жизни людей, но он упустил из виду тот факт, что личная этика всегда будет опережать социальную, которая по-прежнему вынуждена основываться на законе справедливости. То же самое относится и к заповеди «не судите, и не судимы будете», относящейся прежде всего к мыслям и чувствам личности. Толстой же связывает с ней судопроизводство, критикуя само существования суда. Но при этом он не принимает во внимание, что судопроизводство по-настоящему нравственно только тогда, когда исходит из неоспоримости закона и правового самосознания.

Толстой рассматривал мир либо как богоустроенную идиллию и отвергал принуждение и насилие как вещи абсолютно ненужные, или же он созерцал мир как некое царство страстей, греха и обмана. В таком мире принуждение и насилие необходимы, но человеку следует отказаться от такого мира и не участвовать в его жизни. Получается, что насилие не нужно, если мир, со всеми своими законами, является творением Бога, и оно же есть недопустимый грех, если мир существует во зле. Протоирей Александр Мень писал: «Бог для Толстого — это не Бог Евангелия, не Личность, которая может открываться людям, а туманное пантеистическое Нечто, живущее в каждом человеке. Странным образом это Нечто является и Хозяином, велящим поступать нравственно, творить добро и уклоняться от зла» [2. С. 758].

Для Толстого важно, что каким бы ни был мир, он все равно управляется «Божией волей», а она состоит в том, чтобы люди жалели друг друга и не думали о последствиях. Человеку необходимо следовать только указаниям разума и любви, вложенным Богом, а последствия предоставить на усмотрение Бога. Бог устроил так, что каждый человек отвечает только за свои поступки, и никто другой не имеет права и возможности вмешиваться в жизнь других людей; дело каждого — устраивать и блюсти свою

собственную жизнь, и поэтому при виде совершаемого злодеяния человек не должен предпринимать какие-либо действия по предотвращению преступления. Необходимо предоставить согрешившему возможность самостоятельно решить, каяться ему или нет, исправляться или не исправляться, не вторгаясь в его внутренний мир, который есть сфера Божиего ведения. Попытка «выхождения за пределы своего существа» является присвоением Божиих прав. Поэтому, по мнению Толстого, все, что может сделать человек для спасения убиваемого, это предложить злодею убить себя, а если он откажется, то «остается усмотреть в этом Божию волю».

Эта идея была взята Толстым не из Евангелия, она представляет собой следствие его веры в изначально благое и божественное происхождение природы, которая искажена насилием цивилизации, как полагал еще Руссо. Согласно Руссо, человеческая природа способна своими собственными силами достигнуть нравственного совершенства. Философ отвергает богооткровенную религию, согласно которой зло вошло в человеческую природу с грехопадением. Зло чуждо исходной природе человека, но так как он поврежден грехом, самостоятельно человек не в состоянии преодолеть в себе зло. Толстой также считал, что разумная правда, установленная цивилизацией, ничего общего не имеет с правдой жизни индивида. Человеку необходимо пассивно отдаться правде и божественности естественного процесса жизни. Люди не должны противиться непосредственной и простой правде природы цивилизаторской активностью. Но Толстой так и не смог заметить, что именно его разум и есть тот главный враг смысла и правды жизни, которые он пытался найти у народа. Он искренне верил, что достаточно осознать истинный закон жизни, чтобы осуществить его. Зло для него является ложным сознанием, а добро, наоборот, есть истинное сознание.

Владимир Соловьев был иного мнения о природе зла. Для философа важно дать ответ на вопрос:

> «Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?» [5. С. 5].

Соловьев не принимает принцип «непротивления злу насилием», который стал основой отвлеченного, субъективного морализма Толстого. Для Соловьева нравственность никогда не была предметом личного чувства или правилом только лишь частного поведения. В «Трех разговорах» Дама задает вопрос:

> «Но ведь можно себе представить, что какой-нибудь человек до конца проведет заповедь Христову о любви к врагам и о прощении обид — и тогда он через того же Христа получит силу превращать своей кротостью злые души в добрые?» [5. С. 118].

Господин Z в ответ зачитывает стихи о камергере Деларю, который и являл собой пример такого человека. Он прощал всяческие обиды и отвечал на всякое новое злодеяние все новыми и новыми благодеяниями. Но, увы, он не переродил нравственно своего врага, а, наоборот, только усугубил положение — был убит сам и погубил свою дочь:

И, к Деларю подкравшись осторожно,
Хвать друга в зад!
Тот на пол лег, не в силах в страшных болях
на кресло сесть.
Меж тем злодей, отняв на антресолях
У Дуни честь, —
Бежал в Тамбов, где был, как губернатор,
Весьма любим.

Господин Z из всего вышесказанного делает следующий вывод:

> «От одной и той же влаги живительного дождя растут и благотворные силы в целебных травах, и яд — в ядовитых. Так же и действительное благодеяние в конце концов увеличивает добро в добром и зло — в злом» [5. С. 122].

В своей работе «Три разговора: о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Соловьев представил три точки зрения на вопрос о борьбе против зла: религиозно-бытовую, культурно-прогрессивную, безусловно-религиозную. По-мнению Соловьева, сам ход истории включает в себя долгий процесс борьбы между добрыми и злыми силами за существование. Со злом необходимо бороться, и для этого существуют разные способы, например, меч воина или перо дипломата.

Для Толстого армия и государство неприемлемы, так как сама их природа, по его мнению, предусматривает насилие, и поэтому они мешают установлению царства Божиего на Земле:

> «Стоит человеку понять свою жизнь так, как учит понимать ее христианство, т. е. понять то, что жизнь его принадлежит не ему, его личности, не семье или государству, а тому, кто послал его в жизнь, понять то, что исполнять он должен поэтому не закон своей личности, семьи или государства, а ничем не ограниченный закон того, от кого он исшел, чтобы не только почувствовать себя совершенно свободным от всякой человеческой власти, но даже перестать видеть эту власть как нечто могущее стеснять кого-либо. Христианин освобождается от всякой человеческой власти тем, что считает для своей жизни и жизни других божеский закон любви, вложенный в душу каждого человека и приведенный к сознанию Христом, единственным руководителем жизни своей и других людей» [7. С. 150].

Люди должны искать Царство Божие. На самом же деле они ищут что-то иное, необходимое им для удовлетворения своих эгоистических потребностей, и не находя этого, разрушают все надежды на установление Царства Божиего, так как создают государства, войска, суды, университеты, фабрики. Для Соловьева же, наоборот, армия, государство и церковь необходимы именно для продолжения борьбы со злом, для того, чтобы Земля не превратилась в Ад.

Относительно войны, по мнению Соловьева, необходимо ставить не один, а три вопроса: первый — общенравственный, второй — о ее значении в продолжающейся истории человечества, и третий вопрос — личный, который относится к решению каждого человека о том, как он сам теперь и здесь относится к факту войны и к тем условиям, которые из него практически вытекают.

Неправильное разделение этих трех вопросов составляет основную причину всех разночтений о сущности войны. Смысл войны не исчерпывается ее определением как безусловным бедствием, в ней есть нечто положительное, в определенные моменты война бывает необходимой. В «Трех разговорах» господин Z приводит пример из русской истории:

> «Дело было в двенадцатом столетии, в Киеве. Удельные князя, полагавшие, что ссориться и драться можно только между собой, не соглашались идти против половцев, говоря, что им жалко подвергать людей бедствиям войны. На это великий князь Владимир Мономах держал такую речь: "Придет весна, выйдет крестьянин в поле с конем, землю пахать. Приедет половчин, крестьянина убьет, коня уведет; наедут потом половцы большою толпой, всех крестьян перебьют, жен с детьми в полон заберут, скот угонят, село выжгут. Что же вы этих-то людей не жалеете? Я их жалею, для того и зову вас на половцев". На этот раз пристыженные князья послушались, и земля отдохнула при Владимире Мономахе» [5. С. 50].

А генерал делает замечание, что в русской православной церкви к лику святых преимущественно причислены либо монахи, либо князья киевской и монгольской эпох, которые были воинами.

Вспомним слова Ивана Ильина из работы «Сопротивление злу силой»: «Именно лучшие люди призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями — вступать с ними в неизбежное взаимодействие, понуждать их злую волю, пресекать их злую деятельность и притом вести эту борьбу нелучшими средствами, среди которых меч всегда будет еще наиболее прямым и благородным» [1. С. 439].

Восприятие Христа

Учение об Иисусе Христе в толстовстве своеобразно. Путь к Богу лежит через пророка, т. е. Христа, через его проповедь и личный пример. У человека есть физическое и духовное рождение. Духовное рождение происходит в тот момент, когда человек осознает себя частью универсальной вселенской жизни. И дело каждого человека — развить эту потенцию слияния с вселенской жизнью до предела, идеала, которым является Иисус Христос. Человек должен всю жизнь работать над совершенствованием Христа в себе. Но нельзя забывать, что, по мнению Толстого, Христос — это всего лишь ступень, на которую необходимо подняться для познания Бога, всего лишь пророк, т. е. смертный человек, который воспринял себя как часть универсальной вселенской жизни, но уж никак не сын Божий и спаситель человечества. Толстой из своего евангелия исключил все, что касается божественного происхождения Христа. Соловьев в предисловии к «Трем разговорам» писал:

> «…Проповедь свою называют евангелием, но христианство без Христа — и евангелие, то есть благая весть, без того блага, о котором стоило бы возвещать, именно без действительного воскресения в полноту блаженной жизни, есть такое же пустое место, как и обыкновенная дыра, просверленная в крестьянской избе» [5. С. 7].

Для Толстого христианство — это этическое учение, дающее смысл жизни. Но что тогда отличает его от любого другого морального учения, скажем от стоицизма? Толстой упускает из виду, что сущность христианства, сущность Евангелия заключается в тайне самой личности Христа. В отличие от других мудрецов Он не ищет истины, сама истина заключена в нем. Не стоит забывать, что Иисус — это сын Божий, он есть Господь и Спаситель всего человечества. Именно в нем соединено личностное самосознание с богосознанием. Его смерть и его воскресение завершили историю человеческого искупления. Владимир Соловьев считает, что основа и истина христианства — это твердая вера в то, что универсальная воля искупления Единого и Троичного Божества раз и навсегда передана смертью и воскресением Сына Божьего и стала действительностью [3. С. 28]. Господин Z в «Трех разговорах» говорит:

> «Наша опора одна: действительное воскресение. Мы знаем, что борьба добра со злом ведется не в душе только и в обществе, глубже, в мире физическом. И здесь мы уже знаем в прошедшем одну победу доброго начала жизни — в личном воскресении Одного — и ждем будущих побед в собирательном воскресении всех. …без веры в совершившееся воскресение Одного и без чаяния будущего воскресения всех можно только на словах говорить о каком-то Царствии Божием, а на деле выходит одно царство смерти» [5. С. 125].

Различие учения Толстого и взгляда Соловьева на христианство отражено в двух интерпретациях притчи о виноградарях. Первая интерпретация князя, вторая — господина Z. Версия князя была им вычитана из евагелия Толстого. Господин Z зачитывает же притчу о виноградарях из Нового Завета. В версии князя виноградари забыли своего хозяина и свое предназначение, не исполняют свой долг. Так и современные люди, не помня своего Бога и не соблюдая истинного учения его пророка, живут в этом мире только для собственного наслаждения. В версии господина Z, первосвященники и книжники иудейские обличаются не в том, что они не живут по законам Божиим, а в том, что они убили его сына, его наследника. Князь же это пропускает.

Толстовство не принимает божественное происхождение Христа — его личная судьба, по мнению Толстого, не имеет никакого отношения к исполнению евангельского учения и построению Царства Божиего. Не смотря на то, что в Новом Завете доказывается, что Христос не сын Давидов, а сын Божий: «родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог. Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал Ее. Наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус» (Мф. 1:21–25).

Толстой из своих текстов убирает все упоминания о Христе как о сыне Божием. Он писал в одном из своих писем:

> «Иисус не Бог и никогда не выдавал себя за Бога, а был великий и последний пророк еврейский, учивший не только евреев, но и всех людей тому, как надо служить единому

истинному Богу, сознавая себя так же, как и всех людей, сыном его... Закон Христов согласен с законом Моисеевым и с пророком не во всех мелочах, но в главном, в любви к Богу и ближнему» [7. С. 145].

Иисус для Толстого всего лишь моралист, похожий на Сократа. Но в Евангелии представлен совсем другой Иисус. Он прежде всего провозвестник новой жизни, нового высшего откровения Бога, которое и явилось миру через его Сына: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Мк. 17:21–23)

По мнению Толстого, Христос умер, но не воскрес, а значит, миллионы его последователей также не воскреснут. Но как же тогда может установиться Царство Божие? Для Толстого Царство Божие — это состояние людей, поступающих по чистой совести и исполняющих волю Божию, которая предписывает одно только чистое добро. То есть если непременно исполнять должное здесь и сейчас, то возможно установление Царства Божиего без конца истории, Апокалипсиса, Страшного суда, воскресения мертвых. Но тогда получается, что Царство Божие не может существовать вечно, ведь может наступить момент, когда создавать его будет некому, так как все люди смертны и каждого из нас ждет один и тот же конец. Из дела добра, из проповеди истины никогда и ничего кроме смерти выйти не может, а смерть есть крайнее зло; и выходит, что зло всегда торжествует над добром. Другими словами, Толстой, со всей присущей ему рациональностью, лишает человека вечности, в которой жизнь всегда будет преобладать над смертью — вечности, которая всегда будет царством живых, а не царством мертвых.

Владимир Соловьев писал в «Трех разговорах», что если зло принимать за единственное реальное начало, то получается, что миром изначально правит зло. В действительности зло имеет преимущество над добром, но все равно с ним необходимо бороться. По мнению Соловьева, существуют три вида зла: индивидуальное, которое «выражается в том, что низшая сторона человека, скотские и зверские страсти противятся лучшим стремлениям души и осиливают их в огромном большинстве людей»; общественное, заключающееся «в том, что людская толпа, индивидуально порабощенная злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их»; и зло физическое, которое находится в человеке.

Физическое зло — это и есть смерть, которая является крайним злом. Победы добрых сил над индивидуальным и общественным злом меркнут перед победой добра над физическим злом. В истории есть один пример победы добрых сил, пример личного воскресения Христа. И христианство дает надежду на всеобщую победу в будущем воскресении.

Таким образом, факт существования зла необходим для большего торжества добра. Смерть сильнее смертной жизни, а воскресение в вечную жизнь сильнее того и другого. Господин Z говорит князю в «Трех разговорах»:

«Царство Божие есть царство торжествующей чрез воскресение жизни — в ней действительное, осуществляемое, окончательное добро. В этом вся сила и все дело Христа,

> в этом Его действительная любовь к нам и наша к Нему. А все остальное — только условие, путь, шаги. Без веры в совершившееся воскресение Одного, без чаяния будущего воскресения всех можно только на словах говорить о каком-то Царствии Божием, а на деле выходит одно только царство смерти» [5. С. 138].

Рационально мыслящий Толстой никак не мог принять факт воскресения, но если бы он хотя бы на секунду поверил бы в него, то жизнь озарилась бы совершенно иным светом, и, возможно, он понял, что вот он — ответ на все его вопросы, вот он — тот смысл жизни, который он так упорно пытался найти.

Явление антихриста?

Толстой отвергает и божественное происхождение, и воскресение Христа. Для Толстого значение имеет только то, что проповедовал Иисус, его учение, благодаря которому множество людей заставило признать его Богом. Но ведь Христос не Бог, а простой человек, и, значит, любому другому под силу создать истинную религию.

В «Краткой повести об антихристе» Владимир Соловьев описывает путь становления будущего антихриста. В этом описании можно найти сходство с личностью писателя. И тот и другой считают себя праведниками, пытаются соперничать с Христом, отвергают его божественное происхождение и воскресение его. Антихрист Соловьева говорит:

> «А если? А вдруг не я, тот галилеянин… Вдруг он не предтеча мой, а настоящий, первый и последний? Но ведь тогда он должен быть жив… Где же он? Вдруг Он придет ко мне… сейчас, сюда… Что я скажу Ему?... Нет, я, я, а не Он! Нет Его в живых, нет и не будет. Не воскрес, не воскрес, не воскрес! Сгнил, сгнил в гробнице, сгнил, как последняя…» [5. С. 156].

Оба занимаются писательством, оба написали свое собственное евангелие, оба были признаны гениями и приобрели мировую славу. Портрет антихриста, представленный Соловьевым, напоминает великого русского писателя:

> «Был в то время между немногими верующими спиритуалистами один замечательный человек — многие называли его сверхчеловеком… Сознавая в самом себе великую силу духа, он был всегда убежденным спиритуалистом, и ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он верил, но любил он только одного себя. Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал Ему себя… Помимо исключительной гениальности, красоты и благородства высочайшие проявления воздержания, бескорыстия и деятельной благотворительности, казалось, достаточно оправдывали огромное самолюбие великого спиритуалиста, аскета и филантропа. И обвинять ли его за то, что он, столь обильно снабженный дарами Божьими, увидел в них особые знаки исключительного благоволения к нему свыше и счел себя вторым по Боге, единственным в своем роде сыном Божиим. Одним словом, он признал себя тем, чем в действительности был Христос. Но это сознание своего высшего достоинства на деле определилось в нем не как его нравственная обя-

занность к Богу и миру, а как его право и преимущество перед другими, и прежде всего перед Христом» [5. С. 158].

Возникает вопрос: Толстой для Соловьева антихрист или нет? Философ, скорее, предупреждал о выборе неправильного пути. Толстой не антихрист, но им выбран путь, по которому впоследствии пойдет антихрист. Толстой пытался собой заменить Христа, однако дьяволу не служил. В «Трех разговорах» Генерал на вопрос Дамы «Как вы думаете, что наш князь антихрист?» отвечает так: «Ну, не лично, не он лично: далеко кулику до Петрова дня! А все-таки на той линии. Как еще и у Иоанна Богослова в писании сказано: Вы слышали, детушки, что придет антихрист, а теперь много антихристов. Так вот из этих многих, из многих-то…» [5. С. 113].

Литература

1. *Ильин И.* Почему мы верим в Россию // Сопротивление злу силой. М., 2007.
2. *Мень А.* «Богословие» Льва Толстого и Христианство // Мень А. Четвероевангелие Льва Толстого. М., 2007.
3. *Раух А.* Универсальность спасения во Христе и Его Церкви // В. С. Соловьев и проблема религиозного и культурного единения человечества. М., 2004.
4. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Соч. М., 2004.
5. *Соловьев В.* Три разговора. М., 2007.
6. *Степун Ф.* Религиозная трагедия Л. Толстого // За что Лев Толстой был отлучен от церкви. М., 2006.
7. *Толстой Л.* В поисках веры. М., 2006.